

<https://doi.org/10.5281/zenodo.3937256>

УДК 303.01

Ёдко Н.А.

Ёдко Наталья Александровна, Белорусский государственный Экономический университет. 220027, Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, 26. Email: edkonatasha@gmail.com.

Коммуникативная теория власти Н. Лумана

Аннотация. В статье дается анализ теории власти Никласа Лумана. В трудах немецкого ученого власть рассматривается как жизненный центр любой политической системы, как важное средство коммуникации в обществе. Характеризуется отличие власти от других коммуникативных систем. В связи с этим выделяется идея обезличенности власти, ее деперсонализации, что связано с природой коммуникации, цементирующей общественную систему. В рамках этих отношений обе стороны оказываются равно ответственными и равнозначными.

Ключевые слова: Н. Луман, коммуникация, власть, властные отношения, самореферентные системы, медиум политики.

Edko N.A.

Edko Natalya Aleksandrovna, Belarusian State Economic University. 220027, Belarus, Minsk, Partizansky av., 26. Email: edkonatasha@gmail.com.

Communicative theory of power N. Luman

Abstract. The theory of power of Niklas Luman is analyzed. The German scientist considers power as the vital center of any political system. He considers power not just as communication, but as an important means of communication in society. In power relations, Luman practically focuses on the fact that it does not matter who exercises power. In the framework of these relations, both parties are equally responsible and equal.

Key words: N. Luman, communication, power, power relations, self-referential systems, medium of politics.

Неустойчивость развития современного мира побуждает ученых к исследованию таких феноменов общественной жизни, которые являются центрами организации бытия людей в условиях нестабильности. Одним из таких центров является власть, притягивающая взгляды философов, социологов, психологов. Социально-философские, социально-психологические, социологические проблемы власти изучались такими учеными, как Г.Г. Дилигенский, В.В. Крамник, В.И. Кравченко, В.Г. Ледаев, Е.Б. Шестопап и др. В зарубежной общественной науке вопросы природы власти, ее взаимоотношения с другими

институтами, обществом в целом затрагивались в исследованиях Ч.Р. Миллса, Х. Лассуэлла, Р. Бершtedта, Х. Саймона, Ф. Хантера, П. Блау, К. Боулдинга, Р. Эмерсона, С. Липсета, М. Манна, Н. Полсби, Н. Поуланзаса, Т. Парсонса, Р. Мерттона, П. Блау и др.

К числу выдающихся работ по социологии власти можно отнести и работы немецкого ученого Никласа Лумана. Интерес к его работам обусловлен тем, что Н. Луман оставил после себя богатейшее научное наследие, посвященное разнообразным проблемам и темам. Н. Луман остается одним из популярных ученых, без обращения к работам которого не об-

ходится более или менее серьезное исследование. Наконец, работы Н. Лумана могли бы стать теоретико-методологической основой исследования власти, что позволило бы заполнить вакуум в общественных науках после длительного господства марксистского обществознания.

Как отмечают Ю. В. Зацепилин и А. С. Чупров в статье «Коммуникативная природа власти (опыт интерпретации Никласа Лумана)», при прочтении книги Н. Лумана «Власть», вспоминается эпизод из истории древнего Китая, который приводит в «Философии права» Гегель. Это история о том, как пришедшие к власти после победы над прошлым правителем приобрели из рук священнослужителя новый закон. Каково же было удивление всех, когда оказалось, что новый закон, по сути, ничем не отличался от старого. Значение данной истории, заключается в том, что законы власти обладают объективным характером и слабо зависят от характера правителя и тех поставленных целей, которые он и его соратники определяют для себя.

Как оказалось, люди – и начальники и подчиненные есть что-то внешнее по отношению к власти. Непосредственно так и анализирует Н. Луман конкретных субъектов властных отношений. Для него человек как личность – это внешний мир по отношению к системе власти. Такова уж «отчужденная», как любили выражаться Гегель и Маркс, природа власти. Ей нет дела до личностных характеристик ни властвующего, ни подчиненного. Или, как высказывается Н. Луман, «комплексность» мира людей представляет проблему для системы власти. Проблема кадров, ярко обсуждаемая на самых разных конференциях и заседаниях – это и является одно из проявлений той проблемы «комплексности» мира людей, о которой говорит Н. Луман [3, с. 25].

По мнению немецкого социолога, власть является ядром (жизненным центром) любой политической системы. В свою очередь, политическая система интегрируется в общество при помощи коммуникации, которая является органи-

затором функционирования политической власти.

Вследствие этого Н. Луман разглядывает власть не просто как коммуникацию, а как важное средство коммуникации в обществе, базирующее на присущих свойствах коммуникации. Такие, как избирательность и информативность. Вместе с тем, власть представляет собой социальный феномен, имеющий такие свойства как: классификация, обобщенность, символичность и легитимность [4, с. 88].

В свой черед, природа информационных процессов, которые обеспечивают работу политической власти, состоят в том, что в ходе деятельности, взаимного общения и взаимодействия субъектов политических отношений совершается неограниченный во времени и в пространстве процесс воспроизводства и трансформации информации, кодированной в конкретном языке, поступающей в управляющие органы института политической власти и обратно. К языку информационного взаимодействия в сфере политических отношений обычно относят не только знаки, символы и атрибуты конкретных политических объединений (политических групп и партий), но и разнообразного рода тексты, документы (указы, законы и постановления властных структур, и т. п.), а также иные разновидности средств политической коммуникации.

По мнению Лумана, политическая власть материализуется и распредмечивается в языке. Благодаря языку, обеспечивается самостоятельное существование коммуникации и сознания. Сознание принимает селекцию власть имущего, транслируя ее дальше, говоря «да» тому, кто владеет властью. Власть, таким образом, определяется как «временная генерализация», так как ликвидированы иницировавшие ее события. Властитель нужен подчиненному лишь для того, чтобы через него проводить свои решения [4, с. 89].

Кроме того, Луман утверждает, что власть является главным и единственным медиумом политики. Различие медиума и

формы – ключевой элемент лумановских теоретических построений. Медиум предполагает разрозненный материал (субстрат), формы создают из него четкие и постоянные сцепления событий или сущностей. Власть – субстрат для определенных властных действий, в какой бы форме они не выражались.

Вместе с тем Луман считает, что власть не может существовать вне своего применения. Невозможно владеть «потенциальной» властью, т.е. властвовать, но не правя. Непосредственно способность принимать различные формы дает возможность власти циркулировать и преодолевать время, ведь любое определенное состояние – будь то решение, постановление или что-то иное – краткосрочно и не имеет стабильности [8, с. 138-139].

В сущности, Никлас Луман направился по тому же пути, что и Макиавелли, отделив политику от морали, хотя и без намека на поучение: «Цель оправдывает средства». Однако немецкий мыслитель поступил намного радикальнее, чем Макиавелли. Он «убрал за скобки» саму телеологическую проблему миссии власти. Одновременно отскочила и необходимость в морально-нравственной оценке, как самой власти, так и ее носителей. Осталась истинная функция и чистый механизм ее реализации [3, с. 25].

Едва ли не главным инструментом анализа как феномена власти, так и социальных конфликтов, у Н. Лумана считается понятие контингентности. Слово достаточно сложно переводимо на язык обыденных взглядов. Смысл его состоит в том, что выбор масс в силу разнообразия интересов всегда оказывается двойственным, неясным и потому сложно прогнозируемым. «Все может быть иначе», – именно так расшифровывается лумановское понятие контингентности в словаре «Современная западная социология» [2, с. 165].

Власть находит свое отличие от других коммуникативных средств в том, что ее код запрашивает от партнеров, чтобы те редуцировали комплексность действиями, а не переживаниями (как в любви

и искусстве) [6, с. 34]. Статус власти регулируется так называемым медийным кодом, т.е. через множество коммуникативных форм и уровней, среди которых – формирование правил подчинения, подтверждение ожиданий, стимулирование мотивов подчинения, определение степени ответственности, институционализация норм, легитимация новых решений и притязаний на значимость [7, с. 194].

Значение власти для политической коммуникации обуславливается тем, что она представляется «символически генерализирующим медиумом», обеспечивающим непрерывность процесса принятия или отклонения сообщений. Ее роль подобна роли языка в социальной коммуникации, истины в науке, денег в экономике и т.д. Аналогично языку, власть генерализирует разнообразное содержание политических коммуникаций, придавая им простую бинарную форму. Она кодирует всякое сообщение носителя власти как оферту подвластному: принять постановление (решение) или отклонить. То, что реципиент получает данное сообщение в виде властного кода, обозначает: и принятие, и отклонение повлечет за собой специфические результаты, обусловленные присутствием опирающихся на насилие и санкции. И путей назад, в прежнюю неопределенность, нет. Действие кода власти ориентировано на то, чтобы реципиент был заинтересован в положительном ответе, вне зависимости от того, каково точное содержание сообщения и от кого оно исходит.

Власть предполагает то средство, благодаря которому реципиент принуждается к действию, несмотря на свое нежелание. Мотивирующим ресурсом власти, согласно Н. Луману, выступает угроза физического насилия. Вместе с тем при осуществлении власти речь идет не об олицетворении данной угрозы, а о попытке ее избежать, в чем заинтересованы обе стороны – и реципиент, и коммуникант [8, с. 139].

Действия Alter ориентированы на то, чтобы Его действовал определенным образом. Alter выносит выводы касательно

действий Ego, от которого предвидится послушание в виду сконструированной негативной альтернативы – физического насилия, наказаний и т.п. Власть подразумевает, что оба партнера видят альтернативы, реализации которых они хотели бы избежать – образуются так называемые «альтернативы избежания», которые являются мотивационным ядром властных отношений. «Власть покоится на том, что существуют возможности, реализации которых стараются избежать» [5, с. 40]. Когда правитель использует санкции – «альтернативу избежания» – власть рушится, ведь целью власти является принуждение к определенным действиям подчиненного, а не его физическое притеснение или уничтожение.

В свою очередь, коммуникативный код существует для того, чтобы могли предприниматься решения в политике, вырабатывались практики взаимодействия по поддержанию развития общества и политики как отдельной его подсистемы. Власть, таким образом, работает на то, чтобы обеспечить каждому возможность включения в обсуждение и даже, может быть, принятие решений. Сами образуемые коммуникативные коды в результате эволюции становятся более доступными каждому и поэтому приобретают возможность быть использованными и поддержанными любым членом социума: через разговор, образование, просмотр телевизора и т. д. [1, с. 39].

Особенность главных коммуникативных кодов, таких как деньги, истина или власть, по определению ликвидирует «революцию», т.е. равномерное распределение медийного кода [5, с. 140]. В качестве возможного исключения Н. Луман ориентирует только код морали (христианская любовь к падшим), под который стилизованы большая часть революций, так как Н. Луман считает, что моральную революцию возможно себе как-то представить.

Осуществление избегаемых альтернатив в отношении властного кода (отрицание кода власти и применение маргинальных символов), по Луману, выступа-

ет подтверждением отделение от общества, существования, в некотором роде, вне его. Люди, которые никак не пользуются кодом власти, хоть и зачастую не получают наказаний в свой адрес, не могут эффективным образом принимать участие во власти и в политике как социальной подсистеме.

В этом аспекте понимание Н. Лумана о власти отличается от типичных представлений, где власть часто ассоциируется с физическим насилием, угнетением, манипуляцией и т.п. Прямая ассоциация силы власти и ее опасности, по Луману, соответствует лишь архаическим обществам и архаическому мышлению. Лишь в простых обществах обходились такими простыми средствами как принуждением и насилием, когда власть была соединена с личностью властителя (а не ролью), коммуникация была интерактивной, а вопрос применения или неприменения наказания решался в каждом отдельном случае.

В дифференцированном обществе власть формируется в символически генерализованное средство коммуникации, что предполагает ее универсальность, безличность, обобщенность смысловых ориентаций, что гарантирует возможность фиксации идентичного смысла различными партнерами в разных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений [5, с. 52] и дальнейшего выстраивания цепочки действий, в которых селекция одних действий примыкает к селекциям других [5, с. 63].

Понимание сущности власти крайне далеко от повседневного представления о ней как о подчинении воли одного воли другого. Луман считает, что «казуальность власти заключается в нейтрализации воли подчиненного, а вовсе не обязательно в ее сломе» [5, с. 23]. Функция власти содержится в координировании контингенции с помощью ограничения пространства возможного выбора [5, с. 22].

Иначе говоря, власть выбирает какой из вероятных альтернатив формирования общества будет выполнен на практике. Еще можно сказать, что власть, как и лю-

бая иная форма коммуникации, «формирует» общество, устанавливая некие «коридоры альтернатив», по которым может передвигаться воля субъектов властных отношений. Известная идиома «коридоры власти» обретает тут непредвиденный и более глубокий смысл.

Механизм власти, описываемый Н. Луманом, имеет схожесть с «хитростью мирового разума», о котором писал Гегель: «Разум столь же хитер, сколь могущественен, – считал немецкий мыслитель. – Хитрость состоит в опосредствующей деятельности, которая, дав объектам (возможность) действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществлять лишь свою собственную цель» [3, с. 27].

А.С. Чупров сопоставил данный гегелевский пассаж с лумановским утверждением: «Возможность предвосхитить решения власти делают наличие воли у подчиненного вообще бессмысленными. Функция власти состоит именно в том, что власть устанавливает возможные сцепления событий абсолютно независимо от воли подчиненного этой власти человека, совершающего те или иные действия, желает он этого или нет» [5, с. 23]. Воистину «всякая власть от Бога». В том значении, что механизм ее исполнения всегда один и тот же.

И все же сущность власти как коммуникации, по смыслу существенно отличается от «хитрости мирового разума». Лумановская власть как коммуникация не является мировым разумом и тем более Богом. Луман не склонен приписывать власть как некое качество или способность никому из партнеров властных отношений: ни начальникам, ни подчиненным. А поскольку власть как коммуникативное средство заключается в упорядочивании социальных ситуаций «своей обоюдонаправленной селективностью» [5, с. 17-18], постольку в рамках властных отношений обе стороны оказываются равно ответственными и равнозначными [5, с. 29]. Н. Луман фактически де-

лает упор на то, что во властных отношениях не принципиально, кто осуществляет власть.

«Власть становится более могущественной, если она оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив действия или бездействия. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается», – утверждает Н. Луман [5, с. 18]. А «к насилию прибегают ввиду недостатка власти» [5, с. 19].

Тезис Лумана подтверждает очевидную вещь: объем власти управляющего любого уровня тем больше, чем большим объемом полномочий и инструментарием решения той или иной трудности владеют его подчиненные.

Проблема эгоизма власти как исторически, так и теоретически для немецкого социолога является вторичной проблемой. Это, конечно, не основание для терпимости или смирения, – акцентирует внимание Луман, – однако это такое зло, которое – в той или иной степени – практически неизбежно. Немецкий социолог подчеркивает, что институционализация закрепленной легитимной власти считается явлением значительно большего общественного значения, чем безжалостность и меркантилизм власти обладающих... Ведь присутствие данной проблемы уже подразумевает наличие «бинарные схематизации, дифференцирующие долженствование и реальное положение дел, право и беззаконие, конформистское и девиантное поведение» [5, с. 32]. Подругому говоря, легитимное насилие структурно вписывается в организацию власти и неразделимо с функциями, которые она выполняет. Вместе с тем, реализация насилия санкционировано общественным признанием и принимается всем обществом.

Для Н. Лумана факт признания власти считается следствием осуществленного выбора одним из участников межличностного взаимодействия и не предполагает собою особую теоретическую проблему. Н. Луман изучает насилие, которое вынуждена осуществлять власть в

обществе, реагируя на разнообразные формы посягательства на ее законность. Здесь подразумеваются, во-первых, разные виды злоупотребления властью, во-вторых, несоблюдение установленного властью порядка (преступное поведение, или просто неподчинение власти). Именно подобные формы сопротивления власти обуславливают потребность использования легитимного насилия, как полагает Луман [9, с. 44].

Тем не менее может возникнуть вопрос: чем объясняется такое сопротивление власти, если само подчинение ей носит вполне обоснованный мотивированный характер?

И в данном вопросе у Н. Лумана есть ответ. Он считает, что осуществляемое властью принуждение воспринимается подчиненным как результат осуществляемого им выбора. Физическое насилие представляет собой атрибут власти, обеспечивая сильному большую надежность в преследовании своих целей. Основываясь только на силу власть вырождается, она исчезает. Поэтому физическое насилие не может осознаваться как «последнее средство» на шкале усиливающегося давления со стороны власти. Оно сохраняет за собой функцию подтверждения права власти диктовать свою волю. Подчинение власти является доказательством признания ее в качестве «права». Именно поэтому насилие все время сохраняло и продолжает сохранять свою своеобразную, сопоставленную с властью природу.

Следовательно, Н. Луман приходит к выводу, что распространенное представление о противоположности между консенсусом и принуждением является ошибочным. Принуждение не исключает консенсуса. Безусловно, правитель, прежде чем применять насилие, должен позаботиться о консенсусе, который является выражением признания власти в качестве «права». Однако данное положение дел не умаляет роли насилия в реализации власти. Оно подтверждает, помимо прочего, способность власти быть властью – справляться с теми задачами, которые она перед собой ставит.

Таким согласно выводам Лумана, обнаружение двух противоположащих полюсов единого измерения власти, ее противоречивости, демонстрирует своеобразное функционирование ее механизма – амбивалентную природу власти. В результате по Н. Луману, необходимость принуждения изъясняется тем выбором, который осуществляет подчиняющийся власти «Эго». Ведь властитель нужен подчиненному для того, чтобы через его распоряжение – осуществлять в жизни свои решения. Следственно, в признании власти уже заложено одобрение на осуществляемое ею принуждение. Достигнутая таким образом ясность, однако не является абсолютной; вопрос о преимуществах властной позиции и, соответственно, естественности сопротивления подчинению остается открытым. Объясняется это тем, что главным интересом Лумана является система в целом, а не индивид в системе. Лумана интересует, как система контролирует своих субъектов, а не то, как и почему субъект соглашается с этим контролем, формирует и сохраняет систему [9, с. 45].

Как правильно замечает переводчик книги «Власть» Антоновский, общество у Н. Лумана состоит не из людей, а из коммуникаций – событий, сменяющих друг друга во времени [5, с. 223]. Субъект социального действия, осуществляя выбор в пользу того или иного решения, непременно оказывается в позиции «или-или» - «Альтер» (властвующий) или «Эго» (подвластный). Поэтому принципиально разницы между позициями властвующего и подвластного не существует – они формируют структуру присоединяющихся друг к другу и структурно соотносящихся элементов. Н. Луман утверждает, что насилие для сильных менее неприятно, чем для слабых [9, с. 45].

Исходя из этого можно сделать несколько выводов: власть немецкий ученый рассматривает как жизненный центр любой политической системы. Он рассматривает власть не просто как коммуникацию, а как важное средство коммуникации в обществе. Кроме этого, Луман

считает, что власть является главным и единственным медиумом политики. Немецкий ученый характеризует власть, как субстрат для конкретных властных действий, в какой бы форме они не выражались.

Также он утверждает, что власть не может существовать вне своего применения. Невозможно владеть «потенциальной» властью, т.е. властвовать, но не правя. Непосредственно способность принимать различные формы дает возможность власти циркулировать и преодолевать время, ведь любое определенное состояние – будь то решение, постановление или что-то иное – краткосрочно и не имеет стабильности.

Власть находит свое отличие от других коммуникативных средств в том, что ее код запрашивает от партнеров, чтобы те редуцировали комплексность действиями, а не переживаниями. Статус власти регулируется так называемым медийным кодом, т. е. через множество коммуникативных форм и уровней, среди которых – формирование правил подчинения, подтверждение ожиданий, стимулирование мотивов подчинения, определение степени ответственности, институционализация норм, легитимация новых решений и притязаний на значимость.

В дифференцированном обществе власть формируется в символически генерализованное средство коммуникации, что предполагает ее универсальность, безличность, обобщенность смысловых ориентаций, что гарантирует возможность фиксации идентичного смысла различными партнерами в разных ситуациях с целью извлечения тождественных или сходных заключений и дальнейшего выстраивания цепочки действий, в которых

селекция одних действий примыкает к селекциям других. Власть подразумевает, что оба партнера видят альтернативы, реализации которых они хотели бы избежать. Формируются так называемые «альтернативы избегания», которые являются мотивационным ядром властных отношений. По Н. Луману, власть одновременно является средством выражения воли властвующего и формой реализации мотивированных ожиданий подчиненных субъектов.

Осуществление избегаемых альтернатив в отношении властного кода (отрицание кода власти и применение маргинальных символов), по Луману, выступает подтверждением отделения от общества, существования, в некотором роде, вне его. Люди, которые никак не пользуются кодом власти, хоть и зачастую не получают наказаний в свой адрес, не могут эффективным образом принимать участие во власти и в политике как социальной подсистеме.

Во властных отношениях Луман практически делает упор на то, что не принципиально, кто осуществляет власть. В рамках этих отношений обе стороны оказываются равно ответственными и равнозначными. В данных отношениях присутствует некое напряжение, но не конфликт. Собственно, конфликт, или, в терминологии Н. Лумана, насилие, возникает в случае отклонения от выполнения субъектами властных отношений взятых на себя обязательств, в случае злоупотребления властью, или в случае невыполнения ее требований (распоряжений) подчиненными субъектами, тогда и возникает необходимость в применении санкций, физического принуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григоркина, И. И. Концептуализация понятия политической власти в работах К. Шмитта и Н. Лумана // Сб. ст. по материалам XXI-XXII междунар. науч.-практ. конф. 2019. С. 38-45.
2. Давыдов, Ю. Н. Современная западная социология. М.: Политиздат, 1990. 432 с.
3. Зацепин, Ю. В., Чупров, А. С. Коммуникативная природа власти (опыт интерпретации Никласа Лумана) // Социум и власть. 2004. № 1. С. 25-29.

4. Исаев, Б. А. Введение в политическую теорию для бакалавров: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2013. 630 с.
5. Луман, Н. Власть: пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практис, 2001. 256 с.
6. Луман Н. Реальность масс-медиа: пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Практис, 2005. 256 с.
7. Михайлов, Ю. В., Михайлова, Е. Е. Властные коммуникации в русле воззрений современных теоретиков сетевого общества // Вестник ТвГУ. 2017. №1. С. 191-197.
8. Назарчук, А. В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана // Полис. 2006. №3. С. 136-149.
9. Пионткевич, Л. Р. Феномен власти: проблема концептуализации // Вестник Томского государственного университета Томск. 2008. № 308. С. 41-49.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Grigorkina, I. I. Konceptualizacija ponjatija politicheskoj vlasti v rabotah K. Shmitta i N. Lumana // Sb. st. po materialam XXI-XXII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2019. S. 38-45.
2. Davydov, Ju. N. Sovremennaja zapadnaja sociologija. M.: Politizdat, 1990. 432 s.
3. Zacepilin, Ju. V., Chuprov, A. S. Kommunikativnaja priroda vlasti (opyt interpretacii Niklasa Lumana) // Socium i vlast'. 2004. № 1. S. 25-29.
4. Isaev, B. A. Vvedenie v politicheskiju teoriju dlja bakalavrov: ucheb. posobie. SPb.: Piter, 2013. 630 s.
5. Luman, N. Vlast': per. s nem. A. Ju. Antonovskogo. M.: Praktis, 2001. 256 s.
6. Luman N. Real'nost' mass-media: per. s nem. A. Ju. Antonovskogo. M.: Praktis, 2005. 256 s.
7. Mihajlov, Ju. V., Mihajlova, E. E. Vlastnye kommunikacii v rusle vozzrenij sovremennyh teoretikov setevogo obshhestva // Vestnik TvGU. 2017. №1. S. 191-197.
8. Nazarchuk, A. V. Teoretiko-politicheskie vozzrenija Niklasa Lumana // Polis. 2006. №3. S. 136-149.
9. Piontkевич, L. R. Fenomen vlasti: problema konceptualizacii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk. 2008. № 308. S. 41-49.

Поступила в редакцию 29.06.2020.

Принята к публикации 02.07.2020.

Для цитирования:

Ёдко Н.А. Коммуникативная теория власти Н. Лумана // Гуманитарный научный вестник. 2020. №6. С. 36-43. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Edko.pdf>